

ское будущее России, но частично напоминала и христианское прошлое.

Вновь востребованная православно-христианская норма демонстрации благочестия на деле — однако теперь утверждаемая революционными радикалами, а не официальной церковью — по-видимому, была ближе массам, чем странные исповедальные практики дворянства или образованного духовенства. Забота о праведных делах, в которых выражалась вера, стала очевидным способом удостовериться себя и других в наличии личности, сознательно принявшей веру, а анализ содеянного стал основным способом познания себя. Среди революционных радикалов, а позже и среди большевиков, мало кто был склонен обращаться к интроспекции или исповеди как к основному способу познания себя. А после того как русская революция смела со сцены истории или маргинализовала те слои общества, которые практиковали исповедальные способы познания себя, она открыла эпоху достаточно долговременной и мало чем нарушаемой гегемонии практики обличения себя делами.

Лицемерие

Исповедальные практики, конечно же, не ушли со сцены навсегда. Они запечатлены в некоторых произведениях и сталинской эпохи, хотя более интенсивно использовались в частных дневниках и письмах. Но и в этих сферах жизни исповедальные практики могли претендовать не более чем на маргинальный статус: чем менее образован автор дневника, тем меньше исповедальности чувств, и тем больше простой регистрации событий находишь в этих источниках¹¹⁶. Исповедальные техники анализа души просуществовали как бы в резервациях, на периферии сталинского и хрущевского общества, и вновь активизировались в результате возрождения отдельных об-

¹¹⁶ См., например: Veronique Garros et al., eds., *Intimacy and Terror*. New York: New Press, 1995; Jochen Hellbeck, «Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlubnyj (1931–1939)», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1996, vol. 44, № 3; Igal Halfin, «From Darkness to Light: Student Communist Autobiography During NEP», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1997, vol. 45, № 2.

разцов великой русской исповедальной литературы в XX в., особенно после «Пушкинского Дома» Андрея Битова. Исповедальные практики были вновь заимствованы и через послевоенные переводы популярных западных романов и прокат иностранных кинофильмов, но теперь заимствование происходило на уровне массовой культуры, а не на уровне рецепции исповедальной культуры узким образованным слоем. Однако все эти очевидные послевоенные процессы не должны заслонить от нас фундаментального события советской культуры, которое отчасти и определило новые предпосылки восприятия исповедальных практик после войны: непреднамеренные последствия повсеместного внедрения практик обличения себя делами привели к становлению феномена массового, а потому как бы и незаметного, лицемерия.

Независимо от теоретизирования по поводу работы над собой и часто вопреки рецептам коммунистического самовоспитания эта популярная практика была интенсифицирована самим населением и стала, таким образом, центральным неофициальным средством формирования собственного «я»¹¹⁷. Кен Джауитт был одним из немногих проницательных ученых, кто описал советское лицемерие не как aberrацию, а как специфический закономерный способ связи публичной и приватной сфер в ленинистских режимах¹¹⁸. Но для того чтобы быть связанными в единую структуру, они должны были уже существовать. То есть Джауитт предполагает, что лицемерие прикрывало от официального вторжения и надзора уже существующую сферу частной жизни. Я бы предложил обратную гипотезу: специфически советская сфера приватной, или частной, жизни образовалась в сталинскую эпоху, и именно лицемерие стало центральной практикой, создавшей эту сферу, неподвластную контролирующему надзору¹¹⁹. Лицемерие, таким образом, было не феноменом, производным от раз-

¹¹⁷ Исторически, по всей видимости, массовое распространение индивидуального притворства начинается в 1920–30-е гг., и я давно должен был отметить эту повсеместную советскую практику. Ее логику, однако, можно лучше понять, если рассматривать лицемерие после изложения материала от интенсификации обличения в ситуации товарищеского надзора.

рыва между публичной и приватной жизнью в СССР, а центральной практикой, создавшей этот разрыв.

Легко указать на один из истоков распространенной практики притворства масс. Рабочие и крестьяне, начинавшие работать в партийных и советских учреждениях, где товарищеский надзор друг за другом был обычным делом, быстро осознавали предосудительность определенных типов поведения и принимали все меры для того, чтобы подавить или скрыть их как на работе, так и дома. Документы ЦКК, например, постоянно отмечают случаи искреннего удивления рабочих, привлекавшихся к партответственности. Многие из них не могли и представить, что некоторые стороны их до того непроблематичного поведения вдруг стали криминализованы. Случай с Моргуновым, описанный Смидович (глава 4), — один из таких примеров. В другом показательном случае, коммунист, живший с двумя женами в одной комнате и доведший одну из них до самоубийства, будучи вызван на заседание Сибирской контрольной комиссии, «в недоумении спрашивал, какое отношение к партии, к его политической жизни и работе, имеют выявившиеся моменты из личной жизни»¹²⁰. Многие из этих удивленных партийным вмешательством были недавними выдвиженцами, чье не замечаемое до сих пор поведение становилось объектом публичного внимания после их повышения по партийной или советской линии. Например, в докладе ЦКК

¹¹⁸ Kenneth Jowitt, *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1992, p. 72.

¹¹⁹ Спонтанное образование сферы неофициальной частной жизни не следует смешивать с насаждавшимся властью феноменом «личной жизни». Сталинский режим поощрял и развивал личную жизнь, которой должен быть обязательно наделен, и в которой должен быть безусловно счастлив, каждый советский человек. Отсюда сталинская триада сфер значимой жизни, запечатленная на стандартной поздравительной почтовой открытке — «Желаем здоровья, успехов в труде и счастья в личной жизни». Подробный анализ различий между сферами «частной» и «личной жизни» см. в: Oleg Kharkhordin, «Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia», in: Jeff Weintraub and Krishan Kumar, eds., *Public and Private in Thought and Practice: Reflections on a Grand Dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

¹²⁰ *Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР*, 1927, № 6—7, с. 13.

XV съезду партии указывалось, что местные КК чаще реагировали на проступки тех рабочих, кто перешел на управленческие и партийные должности. К партответственности за 1926—1927 гг. были привлечено 6,7 % численного состава членов партии из тех, кто был записан рабочим по своему социальному положению. Многие из них были уже среди руководящих работников, так как статистика исключенных, где указывался их род занятий, свидетельствовала о том, что среди реальных рабочих «от станка» процент привлеченных был ниже — 5,1 %, зато среди работников партийных и советско-хозяйственных организаций было привлечено 11,5 %. Доклад делал заключение: «рабочие от станка привлекаются в два раза реже служащих и убыль их из рядов партии путем исключения значительно меньше, чем рабочих по социальному положению, среди которых большая часть — бывшие рабочие, работающие ныне на советской, хозяйственной, кооперативной и др. работе»¹²¹.

Реакцию на навязчивый внешний контроль и надзор в виде притворства и лицемерия трудно назвать исторической инновацией¹²². Действительно, историки обычно указывают на то, что русские крестьяне веками применяли коллективное притворство по отношению к своим помещикам и царским наместникам¹²³, и это немногим отличается от схожего коллективного «оружия слабых», скажем, в малайской деревне¹²⁴. Форма этого притворства в СССР была, однако, радикально преобразована: оно стало практико-

¹²¹ Гусейнов и др., ред., *Партийная этика*, с. 450—451.

¹²² См. историю религиозного лицемерия и тайного диссента в Европе XVI—XVII вв.: его истоком многие считают подозрение испанской инквизиции, что в XV в. еврей-марраны лишь для виду приняли христианство из-за репрессий, а затем на самом деле тайно вернулись в иудейскую веру. (Perez Zagorin, *Ways of Lying: Dissimulation, Persecution and Conformity in Early Modern Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.)

¹²³ См., например: Michael Confino, *Société et Mentalités Collectives en Russie sous l'Ancien Régime*. Paris: Institut D'Etudes Slaves, 1991, p. 99—133, — особенно с. 132 о «*cette confrontation latente et dissimulée*». Также см. классический анализ того, насколько крестьяне использовали коллективное лицемерие в своих отношениях с царскими властями в кн.: Daniel Field, *Rebels in the Name of Tsar*. Boston: Unwin Hyman, 1989.

ваться индивидуально, для защиты от надзора со стороны равных тебе членов группы, а не с целью коллективного обмана, направленного против властей предрержащих. Это индивидуальное лицемерие отличалось также и от аристократического притворства, так хорошо известного нам по миру дворцовых интриг: лицемерные маски дворян — особенно после укоренения среди них исповедальных практик — как бы надевались на уже существующее «я», а советское лицемерие часто играло инструментальную роль именно в создании индивидуального «я». Иначе говоря, многие большевики, вступившие в партию после революции, «приватизировали» себя — в том смысле, что создавали и совершенствовались ни от кого не зависимый образ собственного «я» — прежде всего с помощью притворства.

Этот индивидуализирующий аспект удачнее схватывается термином «притворство», чем термином «лицемерие». «Лицемерие» связано с греческим *hypocrisis*, игрой в театральные маски, и несет в своих смысловых корнях коннотацию «смены лиц», лице-менения, когда люди примеряют на себя одно лицо за другим¹²⁵. «Притворство» же происходит от глагола «притворяти», и слово это после XVII в. стало означать симуляцию — видимо, вследствие появления фразы «притворить себя» по модели «притворить дверь»¹²⁶. Неудивительно, что для крестьян и рабочих, ставших коммунистами и начальниками, было легче притворить себя от внешнего взора, чем радикально изменить свое поведение или внутренние свойства души. Конечно, в случаях, где товарищеский надзор был близок к тотальной слежке, не оставалось ничего друго-

¹²⁴ Термин из книги, написанной под влиянием мыслей Фуко и де Серто: James C. Scott, *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

¹²⁵ О расшифровке термина «лицемерие» как «перемена лиц» см.: Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Связь с греческим корнем указана по: Срезневский, *Материалы*, и по: *Oxford English Dictionary*, термин *hypocrisis*.

¹²⁶ Словарь Срезневского вообще не указывает значения «симулировать» для глагола «притворити»; большинство названных им ранних значений связано с термином «притвор» — придел, вход в церковь. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» впервые регистрирует словоупотребление «притворити» в смысле «скрывать, утаивать» в XVII в.

го, как полностью перестроить свое поведение. Но для большинства оставалась возможность просто прекратить вести себя прежним образом на виду у других, укрыв предосудительное поведение в наиболее тайные и интимные сферы своей жизни. Многие большевики обнаружили себя в ситуации, когда их жизнь оказалась как бы расколотой надвое — с одной стороны, на официальную жизнь, состоящую из приемлемых с точки зрения доктрины общественной и личной жизни, а с другой — на тайную частную (или интимную) жизнь. И тогда единственно независимым от чужого руководства или вторжения актом стала сама эта практика сокрытия поведения, или «вытягивания» его из поля зрения соседей и сослуживцев, а иногда и членов семьи.

Притворяясь, что полностью разделяешь стандарты коммунистического общежития — и тем самым как бы притворяя дверь в свою частную жизнь, то есть затворяя себя от назойливого товарищеского надзора, — человек творил себя независимым ни от кого способом, доступным для громадных масс населения. Техники сотворения себя через притворство практиковались каждым индивидуально и почти в экспериментальном порядке, так как едва ли существовали коллективно-передававшиеся навыки этого ставшего теперь индивидуальным искусства, и не было почти никаких детальных рекомендаций со стороны господствующей идеологии на тему, как его искоренять (что могло, наоборот, обучить тому, как его практиковать)¹²⁷. Несколько позже, люди стали также наполнять притворенные сферы своей жизни специфическим личностным смыслом: здесь потребуются дальнейшие исследования, чтобы дать оценку тому, делалось ли это с помощью маргинальных исповедальных практик или с помощью личного и добровольного переноса практик обличения делами, так хорошо знакомых всем по официозу, и в эти глубоко интимные сферы жизни. Я попытался пока лишь только наметить

¹²⁷ Партийный дискурс и назидательная литература соцреализма, более или менее успешно доводившая его догмы до их массового потребителя, лишь раздували подозрения в том, что индивидуальное лицемерие растет и крепнет.

истоки происхождения широко распространенного феномена притворенной жизни.

Переход к индивидуальному лицемерию происходит не сразу и не повсеместно. Первые шаги затворения неких сфер своего поведения за дверью, отгораживающей от всеобщего товарищеского надзора, все еще коллективны, как это и диктуют крестьянские навыки. Так, сотрудники ЦКК, написавшие брошюру о борьбе с алкоголизмом, замечают, что «гонимая репрессией, пьянка... превращается в скрытый порок — выпивку, с сохранением всех предосторожностей»¹²⁸. Два-три года спустя Сталин столкнулся со сходной проблемой: оппозиция перенесла свою деятельность на закрытые дачи и квартиры своих членов. Открыто показавшись на XIV съезде партии в своих попытках создать левую оппозицию внутри партии, сторонники Зиновьева и Каменева якобы начали секретно строить «партию внутри партии». Хотя размах оппозиционной деятельности можно теперь считать преувеличенным или вообще надуманным — два наиболее частых обвинения против левых упоминали альтернативные митинги, посвященные годовщине Октября в 1927 г., и встречи на дачах, чтобы обсудить планы единой оппозиции на XV съезде, — многим членам партии стало ясно одно. Открыто соглашаясь с партийной дисциплиной, Зиновьев и Каменев продолжали заниматься фракционной деятельностью, даже если эта деятельность и сводилась к несанкционированным чаепитиям на закрытых дачах. Они притворялись, делая вид, что исполняли волю партии.

Разбить групповое притворство было не так уж и сложно. Так как им испокон веков занимались крестьяне, а затем и подпольные группы революционных радикалов, то власть уже знала, как с ним бороться. Нужны были только лишь ресурсы для финансирования сети информаторов и решимость подвергать подозреваемых членов подпольных групп мерам «жесткого воздействия». Индивидуального лицемера поймать было неизмеримо сложнее, и индивидуальный притворщик стал потому неустрашимой проблемой режима, заботящегося о повальной святости населения.

¹²⁸ Ярославский и др., ред., *О борьбе с наследием прошлого*, с. 25.

Например, Макаренко считает индивидуальных симулянтов одной из самых серьезных угроз для своей колонии. Его забота, как главного педагога, пишет он, была не в том, чтобы заниматься теми, кто открыто нарушал правила колонии (с ними разберется коллектив), а теми, кто был почти незаметен в повседневной жизни. Открытые нарушители дисциплины войдут в жизнь нормальными советскими гражданами, испытав на себе исправительное воздействие коллектива. А притворяющиеся советскими патриотами могут после выхода из колонии быстро стать мелкими буржуа:

...те, которые прятались от меня, и были незаметны в коллективе, в жизни иногда идут, совсем как мещане: рано женятся, заводят «семейку», пристраиваются при помощи всяких лазеек на работу, выходят из комсомола, теряют общественную связь... А в некоторых случаях я замечал даже медленное глубокое гниение. Кто хату начинает ставить, кто свиней начинает разводить, на собраниях не бывает, газет не читает, а тот, глядишь, и в мелкую спекуляцию пустился¹²⁹.

Эти незаметные люди и назывались Макаренко «болотом». По отношению к ним активу рекомендовалось проявлять повышенное внимание. Надзор за ними особенно крепчал, но это, возможно, лишь усиливало их навыки притворства.

Еще один любопытный факт, который мы пока не упоминали: выражение «работа над собой» получило еще более широкое распространение в повседневной речи после того, как Станиславский использовал его для обозначения процесса тренировки актерского мастерства¹³⁰. Система Станиславского, основа советского реалистического театра, пропагандировалась с небывалой силой в 1930-е и 1940-е гг., в период закрепления ее в качестве ортодоксальной части советской культуры. Обычно становление этой ортодоксии объясняется с помощью концепции «Великого отступления»:

¹²⁹ Макаренко, т. 5, с. 174.

¹³⁰ Первое издание: К. С. Станиславский, *Работа актера над собой*. Москва: Художественная литература, 1938.

после безудержного революционного экспериментаторства во всех сферах жизни в 1920-е гг. сталинистская система 1930-х гг. из-за ряда объективных причин снова привилегировала традиционные ценности, и реалистическое подобие в театре было одной из таких ценностей¹³¹. Тем не менее возможна и другая интерпретация. В системе Станиславского актер должен был полностью идентифицироваться с изображаемым персонажем, как бы стать другой личностью. Это полное слияние достигалось за счет приема «если бы»: актер не должен был верить в реальность изображаемого персонажа, а лишь демонстрировать в своем поведении все возможные следствия принятия собой новой роли, «как если бы» эта роль и его собственная личность были тождественны¹³². Этого можно было достичь, писал Станиславский, если вспомнить и еще раз пережить на сцене эпизоды собственной жизни, похожие на эпизоды жизни персонажа. Трудно сказать, насколько инструментарий приемов «работы над собой» по Станиславскому был позже взят на вооружение средним советским человеком, или этот набор методов притворства лишь наиболее откровенно представил основные стратегии тайной жизни в советском обществе. Однако сходства поражают: всегда на сцене, всегда в свете прожектора, советский человек пытался безукоризненно сыграть публичную роль, отведенную ему общим замыслом, причем некоторые актеры даже перевоплощались в новую личность, дабы сыграть эту роль наиболее правдиво¹³³.

Мы вряд ли сможем оценить в цифрах, насколько были распространены индивидуальное притворство и лицемерие в тот или иной период времени. Но усиление внимания партийного дискурса к проблеме лицемеров может служить косвенным признаком возрастающей серьезности проблемы. Наверное, не случайно в мартовской речи Сталина на Пленуме ЦК в 1937 г., положившей начало убийственной кампании партийной самокритики, была слышна прежде

¹³¹ См. классическую презентацию этого тезиса в кн.: Nicholas Timasheff, *The Great Retreat*. New York: Dutton, 1946.

¹³² Третья глава «Работы актера над собой» специально посвящена приему «если бы», который настолько чудодействен, что ему просто поют дифирамбы в тексте. К. С. Станиславский, *Собрание сочинений*, том 2. Москва: Искусство, 1989, с. 93.

всего озабоченность проблемой двурушничества. Сталин считал, что основными чертами новых троцкистов стали «маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь собственных взглядов». Еще одна категория врагов — «новые вредители» — характеризовались тем, что они «лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие». Общим тактическим преимуществом и новых троцкистов и новых вредителей было то, «что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку...»¹³⁴. Хрущев в своей речи на XIX съезде об изменениях в уставе партии заметил, что теперь в уставе будут записаны обязательства по партийной морали, прежде всего касающиеся потенциальных обманщиков, «проявляющих нечестность и неискренность перед партией»¹³⁵. Но его собственное поведение выдает секрет Полишинеля начала 1950-х гг.: почти каждый коммунист был вынужден притворяться. Когда четыре года спустя Хрущев осудил Сталина на XX съезде, он

¹³³ Еще одна знаменитая техника Станиславского — «публичное одиночество» — разучивалась актером с помощью прожектора, который помещал только его в «малый круг» яркого света, и актер со сцены не мог видеть зрительного зала, погруженного в темноту. (Там же, с. 159.) Эта техника напоминает тот момент в колонии Макаренко, когда упорного нарушителя ставили на общем собрании в центр круга, «под люстру», для психологического преобразования под воздействием массового порицания. Техника Станиславского — уход в себя, или затворение в себя, на публике — кажется выходом для жертв системы Макаренко: находясь в ярком луче света и в центре внимания, человек, тем не менее, может сконцентрироваться на себе самом или на деталях вещей, попадающих в круг света. Пример Макаренко: «Когда я одну хорошенькую, умненькую девочку, командира отряда посадил под арест на 2 часа, она все 2 часа плакала у меня в кабинете: как теперь появится перед общим собранием. Теперь она драматическая актриса харьковского театра». (Макаренко, т. 5, с. 162.) Он сам не замечает всей иронии рассказанной им истории: иногда колония создает лучших в мире притворщиков, которые позже легко находят профессиональное применение этим навыкам.

¹³⁴ I. V. Stalin, *Sochineniia*, vol. 1 (XIV), p. 199, 202, 203—204.

¹³⁵ Никита Хрущев, *Доклад XIX съезду партии об изменениях в уставе КПСС*. Москва: Госполитиздат, 1952, стр. 24.

продемонстрировал тот факт, что последние годы и сам утаивал некоторые мысли и эпизоды своей жизни от товарищеского надзора. Как писали газеты той эпохи, используя стандартную сталинскую лексику, лицемеры имели «два лица» — одно для общества и одно для себя¹³⁶.

Другим признаком повсеместного распространения индивидуального лицемерия стало появление фигуры удачливого карьериста-притворщика на страницах поучительных романов и повестей соцреализма — того жанра, который Вера Данэм назвала в своем блестящем анализе «литературой средней руки»¹³⁷. Эти романы различают два типа лицемеров: есть лицемеры из капиталистического прошлого, которые теперь обречены на вымирание, а есть и новая их порода, пока успешно делающая карьеру в социалистическом обществе. Старые лицемеры представлены, например, фигурой управляющего Сафонова в романе Эренбурга «День второй» (1933), где описывается знаменитое строительство Кузнецкого металлургического завода¹³⁸. Сафонов — индивидуалист старой закалки, презирающий людской муравейник, которым ему теперь приходится управлять. Но он доверяет свои критические замечания только своему дневнику, а на публике произносит верноподданнические речи. Вердикт Эренбурга по поводу этой раздвоенной личности очевиден: Сафонов совершает самоубийство. Интеллектуалы старой эпохи — с давно сформировавшимся «я» — не могут выдержать шизофренически-двойственного существования, наложенного на них новым режимом.

Лицемеры новой эпохи отличаются от таких, как Сафонов. Они формируются как личности именно с помощью самой этой практики лицемерия. Их дву-ликая жизнь не является результатом болезненного раскола существовавшей единой личности надвое; наоборот, раскол этот естествен для них, так как они становятся частной, независимой

¹³⁶ Ю. Филонович, «Это не частное дело», *Комсомольская правда*, 20 сентября 1950.

¹³⁷ Vera Dunham, *In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

¹³⁸ Этот роман проанализирован в кн.: Edward Brown, *Russian Literature Since the Revolution*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982, p. 198.

личностью лишь затворяя свою жизнь от товарищеского взора и лицемера, то есть благодаря этому расколу. Поэтому новые лицемеры и имеют вторую (частную) личность, отличающуюся от первой (публичной) личности обличающих себя делами большевиков. Обличение обличает, выводит в наличность некое «я», которое должно иметь все характеристики борца за коммунизм, то есть в дополнение к общественно-трудовой жизни еще и поощряемую властью личную жизнь, где это «я» должно быть счастливо. Лицемерие паразитирует на обличении, являясь стихийной массовой реакцией на большевистские практики индивидуации: кроме видимого лица коммуниста (созданного практикой обличения делами), индивидуально и независимо от власти создается второе, невидимое, частное лицо, и человек начинает как бы осциллировать между ними. К первичной сфере, состоящей из видимых всеми общественной и личной жизни, добавляется невидимая обществом вторая сфера — уединенно частной жизни.

Этих новых лицемеров можно вывести на чистую воду только в редкие минуты утери ими самоконтроля, когда дверь, ведущая в их тайную жизнь, неожиданно приоткрывается перед взором внешнего наблюдателя. Это может произойти, например, когда они случайно раскрывают свои задушевные секреты — по крайней мере в тех романах, которые пытались призвать читающую публику быть бдительными по отношению к двуличным карьеристам. Так, в одной из назидательных пьес сталинского времени, анализируемых Верой Данэм, карьерист открывает свое сердце возлюбленной:

Будет у нас и «Блютнер», и «Телефункен», и «Баккара», настоящая баккара — хрусталь, заваренный на серебре... Но чтобы ожило все это — нужна еще поэзия маленькой электрической кнопочки, за которой — прелести французского слова «комфорт», удобства американского слова «сервис»... Скоро мы... закончим нашу работу... Я получу солидное вознаграждение. И... да здравствует Москва!

Объект его желаний — избалованная бездельница — неожиданно реагирует не так, как он ожидал:

Лицемерие

Можно вам задать один вопрос?.. Зачем вы состоите в партии? Вас спрашивает мещанка!.. Вы ведь еще хуже меня... Вы — раб вещей... вы — раковина [из тех], которые богаты не жемчугом, но грязью¹³⁹.

Скользкий лицемер, приоткрывший одно из своих сокровенных желаний, получает в ответ не признание и восхищение, а всего лишь адекватную характеристику структуры его личности: он — раковина, которая за поверхностной блестящей оболочкой скрывает грязь. Подобные скрытые раковины подвергаются в романах нормативному осуждению.

Некоторые романы, обсуждаемые Данэм, намекают на еще один поворот событий: теперь вообще трудно выжить, если ты не раковина. Не только из-за того, что террор уничтожает мужественных старорежимных нелицемеров и неумелых, а потому замеченных лицемеров, но и потому что появилась новая коллективная динамика: лицемеры, превратившись в господствующий тип советской личности, вынуждают всех стать таковыми. Те редкие из советских граждан, кто не научился индивидуально лицемерить «естественным путем», будет заставлен обучиться лицемерию силой сообщества. Даже лица фанатично-верующего склада не смогут уйти от этого коллективного давления. Например, рассказ «Первый и последний» описывает историю юного курсанта: в военно-морском училище он первый по знаниям, но последний по представлениям о гражданском долге. Он, так сказать, «четко работающий автомат»: выполняет все задания, которые требуются для отличной оценки, но забывает сделать что-нибудь для товарищей или общества в целом. Когда руководство училища и сверстники пытаются заставить его заняться чем-то еще помимо себя и изучения дизелей, курсант защищает свое право служить социалистической Родине так, как он считает нужным. Но это не помогает, и, чтобы помочь ему избежать осложнений, коварный наставник курсанта — инженер дизелестроительного инсти-

¹³⁹ Dunham, *In Stalin's Times*, p. 50. Русский оригинал: Анатолий Суров, *Зеленая улица*. Москва: Государственное транспортное железнодорожное издательство, 1950, с. 67–68.

туда, где курсант проводит много времени, — говорит вполголоса, хотя в комнате никого, кроме них двоих, нет:

Знаете что, Леня? Вы не спорьте против этих истин. Говорят — ну, и пусть говорят. Соглашайтесь. Трудно, что ли? Так-то спокойнее, батенька. Это условное согласие. Оно вас ни к чему серьезному не обязывает¹⁴⁰.

Секреты искусства лицемерия предложены как на блюде, но они кажутся настолько циничными, что курсант отвергает их. Результат не заставляет себя долго ждать: по окончании училища курсанту присваивают звание всего лишь младшего лейтенанта, его сверстники отворачиваются от него, а начальник училища отказывается пожать ему руку. История заканчивается стигматизацией девианта, и это после страданий приводит его к публичному покаянию в том, что он «оторвался от коллектива». В рассказе интересна не надуманная концовка, а описание девиантного поведения. Говорить правду о своих взглядах — плохо. В зрелом советском обществе отказ от игры по неписанным правилам лицемерия рассматривается как отклонение от нормы, которое надо наказывать. Главным критерием того, что является нормальным, становится теперь не некий догматически-правильный идеал, а мнение сообщества, якобы поддерживающего этот идеал, но на самом деле подпольно побуждающего своих членов лицемерить, чтобы внешне соответствовать этому идеалу.

Не предсказывал ли этот роман будущее советского общества: коллектив святых превращается в коллектив сообщников, который лишь только поддерживает образ святости на публике и требует от своих членов не святости как таковой, а постоянной публичной демонстрации лояльности этому образу на работе и дома? Позже, в 1960—70-е гг., эти требования будут еще и подкорректированы исходя из реалистических ожиданий по поводу того, каких изъявлений лояльности можно безболезненно потребовать от советского гражданина. Мелкие нарушения идеала свято-сознательного поведения можно вообще не замечать, если

¹⁴⁰ С. Марвич, «Первый и последний», *Звезда*, 1949, № 7, с. 92.

гарантирована принципиальная включенность каждого в механизм товарищеского надзора, который и определит для всех, чему надо подчиняться и как надо подчиняться. В конце концов дряхлеющий режим вообще потеряет интерес к публичной лояльности граждан относительно коммунистических идеалов; его вполне удовлетворяет лояльность по отношению к самим ритуалам выражения лояльности, — что является признаком предельной ритуализации жизни¹⁴¹.

Описывая «сталинскую формулу социального контроля», Инкелес и Бауер заметили, что советский режим не пытался снизить неудовлетворенность граждан существующей системой, а лишь старался «изолировать и подавить открытую нелояльность»¹⁴². Система, таким образом, была обеспокоена не чувствами граждан, а их публичным поведением, писали авторы. Поэтому советский человек на публике контролировал свое поведение и свои высказывания, но «его сомнения, страхи и компромиссы могут продолжать разъедать, как ржавчина, его внутреннее, глубинное я», что в конце концов приводит к «расколотому состоянию сознания... характерному для большинства»¹⁴³. Одним из психологических ухищрений, с помощью которого простые советские люди пытались избавиться от этой расколотости сознания, была, по мнению Инкелеса и Бауера, самоиндоктринация. Поддерживая вместе с другими видимость монолитности советского общества, гражданин убеждал и себя, что отдельные девианты не имеют шансов на выживание¹⁴⁴. Но авторы обнаружили, что самоиндоктринация была очевидна для многих советских людей: «так как большинство подобных процессов происходит (на Западе. — О. Х.) на подсознательном уровне, нас несколько

¹⁴¹ Алексей Юрчак называет этот феномен *pretense misrecognition* и описывает его в своей диссертации: Alexei Yurchak, *Cynical Reason of Late Socialism: Language, Ideology and Culture of the Last Soviet Generation*. Department of Cultural Anthropology, Duke University, 1997. Этот термин складывается из термина Пьера Бурдьё *collective misrecognition* и термина Петера Слотердайка *cynical reason*. Юрчак переводит его на русский как «видимость непризнания», но его можно перевести и как «непризнание понарошку».

¹⁴² Alex Inkeles and Raymond Bauer, *The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959, p. 282.

¹⁴³ Ibid., p. 286.

Глава 6. Работа над собой

удивило то, что значительное количество респондентов описало их с такой точностью»¹⁴⁵.

Думается, что удивление авторов было необоснованным, если учесть фундаментальный характер раскола жизни советского человека надвое и попеременной смены лиц, составляющих каждую из половин. Как только раскол осознавался в акте индивидуальной саморефлексии, следующим шагом была попытка как-то устранить его — обычно с помощью осмысления того, почему необходимо скрывать определенные типы поведения. И здесь самоанализ и самоотчет хотя и были техниками, навязанными в официальной жизни, могли неожиданно и индивидуально применяться для устранения раскола между официально-приемлемой и невидимой частной жизнью. То, что западные исследователи назвали самоиндоктринацией, было первой сознательной попыткой лично разобраться с собственной расколотостью личности, что-то сделать с нею, если даже не улучшить ее. Здесь начинается долгая генеалогия самостоятельного и скрытого от внешних взоров построения и собирания себя. Одним из других первых шагов на этом долгом пути было индивидуальное усовершенствование механизма попеременного переключения из официального в свой лично-личностный мир и обратно. Эта техника неофициального самовоспитания, конечно же, была уже не просто затворением себя в притворстве, она была ближе к постоянной и легко осуществляемой перемене лиц в лице-мерии. В конце концов смена лиц стала практиковаться почти автоматически, как телесный навык: сидя на собрании, комсомолец рефлексивно поднимает руку для участия в ритуализованном единогласном голосовании, будучи полностью погружен в чтение книги Солженицына под партией¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Среди советских эмигрантов 1940–50-х гг., проинтервьюированных в ходе Гарвардского проекта, никто не осмелился, живя в СССР, проявить открытую нелояльность по отношению к советской власти.

¹⁴⁵ Inkeles and Bauer, *The Soviet Citizen*, p. 288.

¹⁴⁶ Описание этой типичной ситуации 70-х гг. взято из: Alexei Yurchak, «The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretense, and the Anekdot», *Public Culture*, 1997, № 9, p. 171.